Добавил(а) Социология
14.09.13 17:12 -

БАРИНОВ Д.Н.

КАРНАВАЛИЗАЦИЯ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ 2011-2013 ГГ.: СОЦИОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Третья международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». 28 февраля — 1 марта 2013 г. – Материалы конференции – М: ВЦИОМ, 2013. С. 15-17.

Ряд наблюдателей и исследователей обратили внимание на то, что протестная волна 2011-2013 годов отличалась позитивными настроениями. Сами участники протестных акций подчеркивали особый дух веселости, царивший на протестных мероприятиях.

Изучение протестной активности 2011-2013 гг. позволяет говорить о том, что у акций протеста имеется много общего с элементами карнавала, описанными М.М. Бахтиным. Несмотря на то, что акции протеста 2011-2013 гг. не являются карнавалом в строгом смысле этого слова, не несут на себе той смысловой нагрузки, которая была характерна для эпохи средневековья и Ренессанса, дух и атмосфера карнавала, а также его основные черты, выделенные и проанализированные М.М. Бахтиным, узнаваемы и легко угадываются. Это смеховое начало, выступающее альтернативой официальной серьезности; отрицание официальной иерархии и замена ее на отношения равенства и свободы (один из лозунгов – «Да здравствует горизонталь!»); ругательства, брань, служащие снижению, развенчанию символов официальной культуры; переодевания, костюмированный характер протеста;
смещение верха и низа с акцентами на телесном, сексуальном контакте («Протест – это сексуально!»); веселое погребение существующего мира и утопические надежды на рождение нового порядка [1]. Все это в той или иной степени присутствовало и на митингах протеста в 2011-2013 годах.

На наш взгляд, среди всех признаков карнавала наиболее важным для понимания

специфики протестной активности является атмосфера праздника, народно-праздничный характер протестных действий. Именно праздничность и народно-площадной характер митингов протеста показывают особенности генезиса и развития протестной активности.

Как отмечал Ю.М. Лотман, праздник характеризуется четкими пространственными и хронологическими рамками [2]. Праздник ограничен во времени и в пространстве, он отличается от будничной повседневной жизни тем, что имеет особое пространство и точный срок, который заканчивается, истекает. Время окончания праздника означает его переход в состояние рабочих будней, которые уже не знают праздничного веселья.

Такая четкая граница имелась и в протестных акциях 2011-2013 годов. Пространственно протестные акции отделялись местом шествия и местом проведения митингов, которые символически ограждались от остального мира забором и живой силой представителей органов правопорядка. Хронологически акции протеста 2011-2012 годов совпадали с грядущими официальными праздниками, на которые накладывались выборы в Государственную Думу и выборы Президента РФ. При этом предстоящие праздники символически связаны с окончанием календарного периода (Новый год, Рождество, масленица), а также с выборами, которые являются рубежом, отделяющим довыборное состояние от послевыборного, старый год от нового. Отсюда характерный для карнавала утопический оптимизм и надежды на рождение нового социального порядка.

Одним из элементов этих надежд, фундированных хронологически предстоящими праздниками и выборами, является использование в ходе праздника костюмов (Робокоп, Человек-танк, Человек-яйцо, хомячки, Дед Мороз (А. Троицкий), Масленица (Е. Чирикова)). Костюмы выступают элементом карнавальной травестии, они коммуницируют о превращении реального, официального мира в неофициальный, в сказочный. Мотив сказки, волшебства в данном случае не случаен. Надежды на крушение старого мира и рождение нового в данном случае обнаруживают подсознательное ощущение невозможности в скором времени такого превращения в реальной жизни, что отвечает утопизму карнавального мировосприятия. Поэтому сама смена политической системы в идеологии протеста выступала в форме сказочного мотива, волшебного действия, которое могло разыграться на карнавале, но не в реальной жизни. Не случайно после проведения выборов, после окончания праздников (Нового года, Рождества, масленицы) протестное движение пошло на спад. Мартовская акция протеста 2012 года, собравшая уже существенно меньше людей, сопровождалась гудением клаксонов проезжавших мимо автомобилей, водители которых выражали сочувствие и поддержку, но лично в акции не участвовали. Для них праздник уступил место рабочим будням. Отсюда становится понятным и призыв оппозиционеров ходить

на акции протеста как на работу.

Праздничный характер протеста, имевший место в акциях 2011-2013 гг., указывает на двойственность их генезиса и развития. С одной стороны, протест в качестве праздника – это временное, преходящее явление. Праздник неизбежно должен завершиться, он имеет свое начало и свой конец и заканчивается возвращением к повседневности. Как и любой праздник, протест рано или поздно должен закончиться. И тот факт, что в качестве авангарда протеста назывался средний класс («креативный класс») лишь подтверждает тезис о временном характере протеста в форме праздника. Средний класс, который самостоятельно зарабатывает себе на жизнь, не может позволить себе бесконечный праздник. Его кредо: делу – время, потехе – час.

В то же время праздник в форме протеста имеет тенденцию к рецидиву. Протестный потенциал не исчез, но, напротив, способен вновь активизироваться в форме, прежде всего, продолжения праздника, если для этого праздника есть повод. Об этом свидетельствуют и попытки продолжить летний протест 2012 года в форме «народных гуляний». Это означает, что веселый протест в форме воскресного отдыха является латентным. Вероятно, поэтому зимние протесты 2011 года стали неожиданными для многих социологов. Потенциал такого протеста не выявляется традиционными инструментами количественных массовых опросов. Намерения празднично провести выходные дни вовсе не обязательно должны количественно измеряться посредством вопросов о возможности протеста в регионе проживания респондента и его потенциальном участии в нем.

В связи с этим возникает вопрос о том, кто или что создает повод для народно-площадного всплеска протестной активности? Что является мобилизующим активность фактором? На наш взгляд, мобилизующей силой протестов является восприятие людьми существующих общественных противоречий, способы разрешения которых вызывают определенный эмоциональный отклик, принимающий форму народно-площадного смеха. При этом, чем более праздничными, по сути своей, карнавальными, абсурдными с точки зрения повседневного здравого смысла, являются способы решения общественных проблем, тем больше карнавального отклика со стороны участников протестных митингов. Но это означает, что перспективы протеста ограничены пространственно-временными рамками воскресного праздничного отдыха, карнавала. Поэтому, несмотря на достаточно массовый для крупных городов характер протестов, их успех не является безусловным.

Данная точка зрения имеет следующие основания. Во-первых, существуют довольно значительные различия в оценках действий власти в центре и регионах, в мегаполисах и небольших городах, а также сельской местности. Социально-экономическая дифференциация географических и территориальных различий ставит семиотические барьеры на пути понимания и осмысления происходящего. Праздничный народно-площадной смех мегаполиса далеко не всегда понятен жителям маленьких городов и сел.

Во-вторых, локализация новых смыслов, остающихся на данный момент в узком семиотическом пространстве карнавала, празднично-площадного шествия обусловлена таким фактором, как действие традиционных СМИ. На сегодняшний день, прежде всего, телевидение остается ключевым каналом формирования информационного пространства. Интернет, выступающий основой горизонтальных коммуникаций и способный формировать альтернативную точку зрения, пока не вытеснил традиционных СМИ и не стал источником новостей и интерпретаций происходящего для большинства. Кроме того, наиболее активная аудитория интернета – молодежь, традиционно проявляет себя аполитично.

В-третьих, в стремлении переосмыслить существующее символическое пространство официальной культуры, в попытках довести послания власти до абсурда и тем самым в лучших традициях карнавала произвести новое означивание уже известных событий протестующие остаются в пределах коммуникативного пространства и языка своих оппонентов. Абсурдизация официального символического пространства как механизм травестии смысла удается только в рамках карнавала, в пределах праздника и фактически не выходит за его границы. Абсурд, ориентированный на карнавальное выворачивание официальных смыслов наизнанку, не становится действительным средством массового распространения новых значений, способных оказать реальное воздействие на изменения политической системы и принятие политических решений. Однако это функционально соответствует месту и времени карнавала как утопического царства всеобщей свободы, а не сфере реальной жизни.

Литература:

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит. 1990.

2. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988.